

12+

Любовь Ладнова

**Маринетт
Мортем: дочь
панка**

R

Forever

Любовь Ладнова

Маринетт Мортем: дочь панка

«Издательские решения»

Ладнова Л.

Маринетт Мортем: дочь панка / Л. Ладнова — «Издательские решения»,

Открой тайну, спрятанную в музыке легендарного панк-фронтмена!
Талантливая художница Маринетт Мортем обнаруживает, что её сны и рисунки связаны с песнями Михаила Кремнёва. Её творчество открывает порталы в загадочный мир варпа, где искусство становится магией. Панк-рок здесь — древняя магия, а рисунки оживают под звуки песен. Готовьтесь к путешествию, где реальность изгибается под ритм музыки, а творчество меняет судьбу. Откройте книгу — и реальность уже никогда не будет прежней!

© Ладнова Л.

© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
Кое-что о структуре варпа	7
Пролог: Странная Картина	8
Глава 1. Сны, Которые Не Забываются	9
Глава 2. Голос из Прошлого	13
Глава 3. Альбом, Который Меняет Всё	18
Глава 4. Ритм как Заклинание	23
Глава 5. Первая Встреча с Эмиссаром	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Маринетт Мортем: дочь панка

Любовь Ладнова

Иллюстрация обложки Картинки были сгенерированы в нейросети Fabula-ai.com

© Любовь Ладнова, 2026

ISBN 978-5-0071-0049-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Её мать всегда говорила: «Твой отец был обычным человеком». Но обычные люди не оставляют после себя песен, которые заставляют реальность искривляться. Маринетт Мортем — талантливая художница, чьи сны стали слишком реальными, а рисунки — слишком живыми. Когда она случайно обнаруживает, что структура её сновидений идеально совпадает с ритмами песен культовой панк-группы, мир привычной лжи рушится.

Михаил Кремнёв — фронтмен легендарной группы «Огненный Вихрь», гений, безумец и маг, который даже не подозревает, что у него есть дочь. Его песни — это не просто музыка, а зашифрованные инструкции по управлению варпом, параллельным измерением психической энергии. Маринетт предстоит расшифровать наследие отца, которого она никогда не знала, научиться управлять даром, о котором не подозревала, и принять правду, которую мать скрывала двадцать лет.

Вместе с загадочным Анжелато — эмиссаром сновидений, появляющимся в её снах, — она отправится в путешествие по лабиринтам варпа, где прошлое и будущее существуют одновременно, а каждая песня становится ключом к новой реальности. Но чем глубже она погружается в мир отца, тем яснее понимает: её собственный дар художницы — не просто талант, а наследие, способное изменить саму ткань реальности.

Кое-что о структуре варпа

Варп — это не просто пространство между мирами. Это живая, дышащая структура психической энергии, где мысли обретают форму, а эмоции становятся материальными. Здесь нет линейного времени — прошлое, настоящее и будущее сосуществуют одновременно, переплетаясь в причудливые узоры. Именно поэтому песни, написанные двадцать лет назад, могут отзываться в снах сегодняшнего дня, а рисунок, созданный сейчас, способен открыть дверь в событие, которое ещё не случилось.

Варп реагирует на творчество. Музыка, живопись, поэзия — всё это вибрации, способные настраивать реальность на определённые частоты. Михаил Кремнёв интуитивно понял это, когда начал писать свои песни. Он не знал теории — он чувствовал её кожей, ритмом, голосом. Каждый его альбом был не просто сборником песен, а многоуровневым заклинанием, где ритм задавал направление энергии, а слова создавали форму. Но он не подозревал, что его музыка станет наследством для дочери, о существовании которой он не знал.

Флуктуации варпа — колебания его плотности, частоты вибраций — создают «эхо» событий. Именно поэтому Маринетт видит во снах то, что её отец пел десятилетия назад. Именно поэтому её рисунки оживают, когда она слушает его песни. Варп не подчиняется логике — он подчиняется творчеству. И тот, кто способен творить, способен менять реальность.

Но есть цена. Каждое творческое действие в варпе оставляет след. Каждый нарисованный портал, каждая спетая нота — это нить, связывающая творца с измерением. И если не научиться контролировать эту связь, можно потерять себя в бесконечности собственных творений. Именно поэтому Михаил исчез. Именно поэтому Маринетт должна научиться управлять своим даром, прежде чем он поглотит её.

Пролог: Странная Картина

Странная картина висела в мастерской уже три недели. Маринетт не могла вспомнить, когда именно её нарисовала — но каждое утро, просыпаясь, она находила на мольберте новый эскиз, которого там не было накануне. Сначала она думала, что это просто забывчивость. Художники часто работают во сне, подсознательно дорисовывая образы, преследующие их в ночных видениях. Но эти рисунки были другими.

На первом был изображён человек, стоящий на сцене, объятый пламенем. Его лицо было скрыто тенью, но гитара в его руках горела ярче солнца.

На втором — бесконечный коридор, стены которого покрыты странными символами, похожими на ноты.

На третьем — женщина, стоящая у окна, за которым простиралось море огня. Женщина плакала.

Маринетт не узнавала эти образы. Но они преследовали её.

— Мам, — спросила она однажды за завтраком, разглядывая очередной эскиз, появившийся за ночь, — ты когда-нибудь видела человека, похожего на этого?

Она протянула матери рисунок. Жанна взглянула на него и побледнела. Чашка в её руках дрогнула, и горячий чай пролился на скатерть.

— Нет, — ответила она слишком быстро. — Никогда. Откуда ты взяла этот образ?

— Он приснился мне, — пожала плечами Маринетт. — Я просто нарисовала его.

Жанна молчала несколько мгновений. Затем резко встала.

— Не рисуй этого больше, — сказала она, и в голосе её прозвучала сталь, которой Маринетт никогда раньше не слышала. — Это просто сон. Забудь о нём.

Но Маринетт не забыла. Она не могла забыть, потому что той же ночью рисунок на мольберте изменился. На нём появились новые детали — слова, выведенные огненными буквами:

«Она не сказала тебе правду. Ты — дочь панка. Найди альбом. Начни слушать. И ты услышишь голос, который зовёт тебя домой».

Маринетт стояла перед мольбертом, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Она не писала этих слов. Но они были здесь. И они были обращены к ней.

Варп начал звать её.

Глава 1. Сны, Которые Не Забываются

Маринетт Мортем никогда не считала себя особенной.

Она была просто художницей. Талантливой, да. Успешной, возможно. Но обычной. Она вставала утром, пила кофе, брала в руки кисть и рисовала. Мир вокруг неё был понятным, предсказуемым, подчиняющимся законам физики и логики. Маринетт верила в линии, формы, перспективу и композицию. Она верила в то, что видит своими глазами, и в то, что может объяснить словами.

Но три недели назад всё изменилось.

Всё началось со сна. Не просто сна — видения. Настолько яркого, что, проснувшись, Маринетт не могла понять, где заканчивается реальность и начинается иллюзия. Она помнила каждую деталь: запах гари, звук гитары, вибрацию, проходящую сквозь тело. И человек в центре всего этого — высокий, худой, с горящими глазами. Он стоял на сцене, окружённый пламенем, и играл на гитаре так, будто от этого зависела судьба мира.

Маринетт проснулась в холодном поту. Сердце колотилось где-то в горле, а руки дрожали. Она села на кровати, пытаясь отдышаться, и посмотрела на мольберт, стоящий в углу комнаты. На нём лежал чистый лист бумаги.

— Что за чертовщина? — прошептала она, проводя рукой по лицу.

Она не знала, кто был этот человек. Не знала, почему он приснился ей. Но внутри неё поселилось странное чувство — будто она должна была что-то сделать. Будто этот сон был не просто сном, а посланием.

Маринетт попыталась забыть о нём. Она пошла на кухню, налила себе воды, попыталась успокоиться. Но образ не уходил. Он преследовал её, как навязчивая мелодия, которую невозможно выкинуть из головы.

На следующую ночь сон повторился. Тот же человек, та же сцена, то же пламя. Но на этот раз было что-то новое. Он повернулся к ней, и Маринетт увидела его лицо. Молодое, дерзкое, с глазами, в которых горел огонь. Он улыбнулся, и в его улыбке было что-то знакомое — что-то, что заставило сердце Маринетт сжаться от боли.

— Ты ищешь меня? — спросил он. Его голос звучал отовсюду и ниоткуда одновременно.

— Кто ты? — крикнула Маринетт, но он уже исчез, оставив после себя только запах гари и звук гитары, затихающий где-то вдалеке.

Она проснулась с чувством, что пропустила что-то важное. Что-то, что должно было изменить её жизнь.

На третью ночь она не спала. Она сидела в мастерской, глядя на мольберт, и ждала. Ждала, когда появится новый знак, новая подсказка.

Она не ошиблась.

В полночь, когда часы пробили двенадцать, лист на мольберте начал светиться. Сначала слабо, едва заметно, затем ярче. Маринетт затаила дыхание. Бумага нагрелась, и на ней начали проступать линии — не её линии, а чьи-то другие. Кто-то рисовал на её мольберте.

Она смотрела, как линии складываются в лицо — то самое, из сна. Человек на сцене, объятый пламенем. Гитара в его руках была нарисована с такой детализацией, что, казалось, слышен звон струн. А над его головой сияли буквы, сложенные в слово: «Варп».

Маринетт подошла к мольберту и провела пальцем по рисунку. В тот же миг она почувствовала странное тепло — будто бумага нагрелась под её пальцами. Она отдернула руку, сердце колотилось где-то в горле.

— Что это? — прошептала она, вглядываясь в рисунок.

Ответа не было. Только тишина, нарушаемая стуком её собственного сердца.

Маринетт не спала всю ночь. Она сидела в кресле, глядя на рисунок, и пыталась понять, что происходит. Она перебирала в голове все возможные объяснения: галлюцинации, стресс, усталость. Но ни одно из них не казалось убедительным. Рисунок был слишком реальным, слишком живым. И она чувствовала, что за ним скрывается что-то большее.

На следующее утро она показала рисунок матери.

Жанна сидела на кухне, пила чай и читала книгу. Когда Маринетт вошла, она подняла глаза и улыбнулась.

— Доброе утро, дочка, — сказала она. — Ты рано встала.

— Мам, — сказала Маринетт, садясь напротив. — Мне нужно тебе кое-что показать.

Она протянула матери рисунок. Жанна взглянула на него — и замерла. Чашка в её руках дрогнула, и горячий чай пролился на скатерть.

— Откуда у тебя это? — спросила она, и в голосе её послышалось что-то, чего Маринетт никогда раньше не слышала. Это был страх. Настоящий, животный страх.

— Он приснился мне, — ответила Маринетт. — И потом появился на мольберте. Я не рисовала его, мам. Он появился сам.

Жанна медленно поставила чашку на стол. Её руки дрожали.

— Это просто сон, — сказала она, и голос её звучал жёстко, почти грубо. — Забудь о нём.

— Но, мам...

— Я сказала, забудь.

Жанна встала из-за стола и вышла из кухни, оставив Маринетт одну. Девушка смотрела на закрывшуюся дверь, чувствуя, как внутри неё разрастается странное, тревожное чувство. Что-то было не так. Что-то мать скрывала от неё. И это «что-то» было связано с человеком на рисунке.

Маринетт не знала, что делать. Она чувствовала себя потерянной, запутанной. Но внутри неё росла решимость. Она должна была узнать правду. Кем бы ни был этот человек, она должна была понять, почему он преследует её во снах. И почему мать так испугалась, увидев его.

Она вернулась в свою мастерскую и села перед мольбертом. Рисунок всё ещё висел на нём, и Маринетт вглядывалась в каждую линию, пытаясь найти подсказку. И вдруг она заметила то, чего не видела раньше. В углу рисунка, почти незаметно, была выведена надпись. Маленькая, почти стёртая, но всё ещё читаемая:

«Она не сказала тебе правду. Ты — дочь панка. Найди альбом. Начни слушать. И ты услышишь голос, который зовёт тебя домой».

Маринетт прочитала эти слова несколько раз, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Она не писала их. Но они были здесь. И они были обращены к ней.

— Что значит «дочь панка»? — прошептала она, вглядываясь в надпись.

Ответа не было. Только тишина, нарушаемая стуком её собственного сердца.

Маринетт взяла ноутбук и открыла поисковую строку. Она не знала, что искать, но интуиция подсказывала ей, что она должна начать с этого слова — «панк». Она набрала его и нажала Enter.

Результатов было тысячи. Статьи о музыке, о культуре, о группах. Но одно название привлекло её внимание. Статья на сайте музыкального журнала, датированная двадцатью годами назад:

«Огненный Вихрь: Панк-Легенда, Сгоревшая в Собственном Пламени».

Маринетт кликнула на ссылку. На экране появилась фотография. Чёрно-белая, зернистая, но всё равно узнаваемая. Человек на сцене, объятый пламенем. Гитара в его руках — та самая, с рисунка. А над его головой — неоновая вывеска с названием группы.

«Огненный Вихрь».

Маринетт замерла, глядя на фотографию. Тот же образ. Те же детали. Даже положение рук совпадало. Она нарисовала его во сне — но он существовал на самом деле.

Она прочитала статью несколько раз. В ней говорилось о группе, которая ворвалась на панк-сцену в девяностых, о её эксцентричном фронтмене, который использовал пиротехнику на концертах, о скандалах, о слухах, о том, что группа исчезла также внезапно, как и появилась. Но самое главное — в статье было имя.

Михаил Кремнёв.

Вокалист, гитарист, автор песен. Человек, который, по слухам, пропал в пламени на сцене во время последнего концерта. Его тело не нашли, но поклонники и критики решили, что он погиб.

Но кто-то в статье выразил сомнение.

«Возможно, он не погиб, — писал журналист. — Возможно, он просто исчез. Потому что такая музыка не умирает. Она становится чем-то большим. Она становится реальностью».

Маринетт закрыла ноутбук и посмотрела на мольберт. На нём всё ещё висел рисунок — человек в огне, гитара, буквы над головой.

— Михаил Кремнёв, — прошептала она, пробуя имя на вкус. — Кто ты? Почему ты снишься мне? И что общего у тебя с моей матерью?

Ответа не было. Но в груди разгорался огонь — жажда правды, которая была скрыта от неё всю её жизнь.

Маринетт не знала, что это начало. Что ей предстоит узнать о себе, о матери и о человеке, который даже не подозревал о её существовании. И что её рисунки — это не просто искусство, а ключ к миру, которого она никогда не могла себе представить. Миру варпа. Миру, где песни становятся заклинаниями, а кисти — оружием.

Но всё это будет позже. Пока же Маринетт просто смотрела на рисунок и чувствовала, как внутри неё просыпается что-то новое. Что-то, что было скрыто слишком долго.

И она была готова узнать правду.

Глава 2. Голос из Прошлого

Маринетт провела следующие несколько дней в бесконечном интернет-серфинге. Она искала всё, что могла найти о «Огненном Вихре» и Михаиле Кремнёве. Страниц было немного — группа не была суперпопулярной, но у неё был культовый статус, и фанаты сохранили большинство записей. Она находила старые фотографии, заметки в музыкальных журналах, форумы, где обсуждали каждую песню, каждый концерт, каждое слово, произнесённое фронтменом со сцены.

Но чем больше она находила, тем меньше понимала.

Михаил Кремнёв был загадкой. Никто не знал, откуда он взялся. В интервью он говорил о своём детстве уклончиво, переводил разговор на музыку, на тексты песен. Он был харизматичным, дерзким, немного безумным — настоящий панк-идол. Но в его глазах всегда читалось что-то ещё. Что-то, что не вписывалось в образ бунтаря и скандалиста.

Маринетт нашла одно из его редких интервью. Оно было записано на плёнку в 2003 году, в год, когда родилась Маринетт Мортем. Она надела наушники и закрыла глаза.

Голос Михаила звучал хрипло, с лёгкой хрипотцой. Он говорил о музыке, о свободе, о том, что мир не таков, каким кажется.

— Мы живём в матрице, — сказал он в ответ на вопрос журналиста о смысле его песен. — Мы думаем, что видим реальность, но на самом деле мы видим только отражение. Настоящий мир — он где-то рядом. За гранью. И я пытаюсь найти к нему ключ.

— И музыка — это ключ? — спросил журналист.

— Музыка — это язык, — ответил Михаил. — Язык, на котором говорит то, что находится за гранью. Если ты научишься слушать, ты сможешь понять. А если поймёшь, сможешь изменить.

Маринетт переслушала этот фрагмент несколько раз. Слова отца звучали в её голове, отдаваясь эхом в глубине души. Она чувствовала, что он говорит о чём-то важном. О чём-то, что касалось её.

Она продолжила искать. Нашла видео с концертов — размытые, шумные, снятые на старые камеры. Но даже сквозь помехи чувствовалась энергия. Толпа ревела, гитары визжали, а Михаил стоял на сцене, излучая такую мощь, что, казалось, экран вибрирует. Пламя на сцене вело себя странно — оно не подчинялось законам физики. Оно танцевало в такт музыке, пульсировало, меняло цвет. И люди в зале чувствовали это. Они тянули руки к сцене, пытаясь коснуться огня, который, казалось, был живым.

Маринетт смотрела на эти видео, и внутри неё росло странное чувство — будто она видела что-то знакомое. Будто она уже была на этих концертах. Будто она знала этого человека.

Но это было невозможно. Она родилась через несколько лет после того, как группа исчезла.

И всё же чувство не уходило.

Она нашла фотографию Михаила, сделанную за кулисами. Он стоял один, глядя в камеру, и в его глазах была странная смесь усталости и надежды. Маринетт всматривалась в его лицо, пытаясь найти что-то общее с собой. И вдруг она поняла: у неё такие же глаза. Те же глаза, что и у этого человека. Те же линии, тот же разрез.

Она отодвинулась от экрана, чувствуя, как сердце колотится в груди. Она вспомнила слова из сна: «Ты — дочь панка». Неужели это было правдой? Неужели Михаил Кремнёв был её отцом?

Маринетт закрыла ноутбук и вышла из комнаты. Она должна была поговорить с матерью. Должна была узнать правду.

Жанна сидела на кухне, читала книгу и пила чай. Когда Маринетт вошла, она подняла глаза и улыбнулась. Но улыбка быстро исчезла, когда она увидела лицо дочери.

— Что случилось? — спросила она.

— Мам, — сказала Маринетт, садясь напротив. — Мне нужно задать тебе вопрос. Очень важный.

Жанна молчала. Она поставила чашку на стол и сложила руки перед собой. Её лицо было спокойным, но в глазах читалась тревога.

— Ты знала Михаила Кремнёва, — сказала Маринетт. — Ты знала его. И ты знаешь, что он — мой отец.

Жанна вздохнула. Этот вздох был тяжёлым, будто она несла его в себе долгие годы.

— Да, — ответила она. — Я знала его. И да — он твой отец.

— Почему ты никогда не говорила мне об этом? — спросила Маринетт. Её голос дрожал от сдерживаемого гнева. — Почему ты скрывала это от меня столько лет?

— Потому что я боялась, — ответила Жанна. — Я боялась, что его мир разрушит тебя. Я боялась, что ты уйдёшь в этот мир и не вернёшься. Как он.

— Что случилось с ним? — спросила Маринетт. — Почему он исчез?

Жанна покачала головой.

— Я не знаю, — ответила она. — Я не знаю, что с ним случилось. Но я знаю, что он был не просто человеком. Он был кем-то большим. И я боялась, что ты унаследуешь его дар. Что ты станешь частью его мира. И тогда я потеряю тебя, как потеряла его.

— Как вы встретились? — спросила Маринетт, чувствуя, что должна знать всё. Каждую деталь. Каждое слово.

Жанна замолчала на мгновение, собираясь с мыслями.

— Это было в 2002 году, — начала она. — Я работала в маленьком клубе, который назывался «Портал». Там выступали местные группы, панки, рокеры. Однажды приехали они. «Огненный Вихрь». Я никогда не слышала о них раньше. Но когда они вышли на сцену, я поняла: это что-то другое.

Жанна замолчала на мгновение, и Маринетт видела, как в её глазах загорается огонь воспоминаний. Станный, почти магический свет.

— Михаил стоял на сцене, и казалось, что он не просто поёт, а что-то делает. Превращает воздух в огонь, а огонь — в музыку. После концерта я подошла к нему и сказала: «Ты не человек». Он улыбнулся и ответил: «Ты права. Я — что-то другое». И я почувствовала, что он говорит правду.

— И что было дальше? — спросила Маринетт.

— Дальше была любовь, — ответила Жанна, и в голосе её послышалась боль. — Короткая, яркая, безумная. Я знала, что он не может быть со мной всегда. Я знала, что его мир слишком опасен. И всё равно я позволила себе влюбиться в него.

— Но он исчез, — сказала Маринетт. — Он оставил тебя.

— Он оставил меня, потому что должен был уйти, — ответила Жанна. — Он знал, что его магия опасна. Что она может навредить мне. И он ушёл, чтобы защитить меня. Но он оставил мне кое-что. Он оставил мне песни. И он оставил мне тебя.

Маринетт молчала, переваривая услышанное. Она чувствовала, как в груди смешиваются гнев и понимание. Она хотела злиться, хотела кричать, хотела требовать ответов. Но когда она увидела слёзы на глазах матери, гнев отступил, оставляя место чему-то более сложному — боли, смешанной с состраданием.

— Я не хотела тебя обманывать, — продолжала Жанна, и её голос дрожал. — Я хотела защитить тебя. Ты была такой маленькой, такой незащищённой. А он... он был опасен. Не потому, что он был плохим человеком. Потому что мир, в котором он жил, был опасен.

— Что за мир? — спросила Маринетт, чувствуя, как холодок пробегает по спине. — Что ты знаешь о нём?

Жанна молчала несколько мгновений, собираясь с мыслями.

— Я не знаю всего, — наконец ответила она. — Михаил не рассказывал мне многого. Он говорил, что хочет защитить меня. Но я видела. Я видела, как на его концертах происходят странные вещи. Как огонь слушается его. Как люди после его выступлений видят сны, которые сбываются. Я видела, как он исчезает на несколько дней, а потом возвращается с новой песней, в которой звучат слова о других мирах.

— И ты не пыталась узнать больше?

— Я боялась, — призналась Жанна. — Я боялась, что если узнаю слишком много, то потеряю его. И однажды я потеряла его. Он ушёл на концерт и не вернулся. Его тело не нашли. Только гитара, обгоревшая, но целая. И записка: «Прости. Я должен был уйти. Но я оставлю тебе песни. В них ты найдёшь ответы».

Маринетт смотрела на мать, чувствуя, как внутри неё что-то меняется. Она больше не злилась. Она понимала, что мать сделала всё, что могла, чтобы защитить её. Даже если это означало жить во лжи.

— Я нашла его песни, — тихо сказала Маринетт. — Я слушаю их. И они... они меняют меня.

— Я знала, что это случится, — прошептала Жанна. — Я знала, что рано или поздно ты найдёшь их. Я надеялась, что это случится позже. Что ты будешь готова.

— Я готова, мама, — ответила Маринетт. — Я готова узнать правду. Я готова найти его.

Жанна посмотрела на дочь. В её глазах была гордость, смешанная со страхом.

— Тогда иди, — сказала она. — Иди и найди его. Но обещай мне: ты вернёшься.

— Обещаю, — ответила Маринетт.

Она встала из-за стола, подошла к матери и обняла её. Жанна дрожала, и Маринетт чувствовала, как слёзы матери падают на её плечо.

— Я люблю тебя, мама, — прошептала она.

— Я тоже люблю тебя, дочка, — ответила Жанна. — Будь осторожна.

Маринетт вышла из кухни, чувствуя, как в груди разгорается новая сила. Она знала: теперь у неё есть цель. Она найдёт отца. Она узнает правду. И она вернётся. Что бы ни случилось.

Она вернулась в свою мастерскую и села перед мольбертом. На нём всё ещё висел рисунок — человек в огне, гитара, буквы над головой. Теперь Маринетт знала его имя. Знала, кто он.

— Михаил Кремнёв, — прошептала она. — Мой отец.

Она взяла кисть и начала рисовать. Она рисовала его лицо, его глаза, его руки, держащие гитару. Она рисовала огонь, который горел вокруг него. Она рисовала музыку, которая звучала в её голове.

И когда она закончила, рисунок начал светиться. Бумага нагрелась, и на ней появилась надпись:

«Ты сделала первый шаг. Продолжай идти. Я жду тебя».

Маринетт смотрела на эти слова, чувствуя, как по щекам текут слёзы. Её отец был жив. Он был где-то там, в мире, который она не понимала. И он ждал её.

Она не знала, что её ждёт впереди. Не знала, какие испытания ей предстоят. Но она знала одно: она найдёт его. Она найдёт своего отца. И она сделает всё, чтобы вернуть его домой.

Потому что она была дочерью панка. И она несла его огонь в своём сердце.

Глава 3. Альбом, Который Меняет Всё

Маринетт не спала всю ночь.

Она сидела в своей мастерской, глядя на рисунок отца, который светился и пульсировал в такт её дыханию. Слова, появившиеся на бумаге — «Ты сделала первый шаг. Продолжай идти. Я жду тебя» — не выходили из головы. Они звучали в ней, как эхо голоса, который она слышала во сне. Голоса, который звал её.

Она знала, что должна продолжать. Должна найти следующий шаг. Но она не знала, с чего начать.

Вспомнив слова из сна — «Найди альбом. Начни слушать» — она снова открыла ноутбук и начала искать. Она ввела в поиск «Огненный Вихрь альбомы» и нажала Enter.

Результатов было немного. Группа выпустила всего три студийных альбома и один концертный, записанный за год до исчезновения. Маринетт пробежалась по списку глазами и остановилась на первом.

«Вход в Пламя». 2003 год.

Название отозвалось внутри неё странным теплом. Она чувствовала, что этот альбом — начало. Что именно с него она должна начать свой путь.

Она нашла альбом на стриминговой платформе. Все песни были доступны для прослушивания. Обложка была простой, почти минималистичной: чёрный фон, в центре которого горел огненный круг, а внутри него — силуэт человека с гитарой.

Маринетт надела наушники, закрыла глаза и нажала на первую песню.

Звук гитары пронзил её тело, как электрический разряд. Резкий, агрессивный, почти хаотичный рифф ворвался в сознание, заставляя сердце биться быстрее. Она почувствовала, как по спине пробегают мурашки, а воздух вокруг неё нагревается. Каждая нота отзывалась внутри неё, будто была написана специально для неё.

Маринетт открыла глаза и посмотрела на мольберт. Бумага на нём начала светиться. Она не прикасалась к ней, но линии начинали проявляться сами собой, словно кто-то невидимый рисовал одновременно с музыкой. Она смотрела, как на бумаге появляются всполохи пламени, как они складываются в причудливые узоры, как они танцуют в такт ритму.

Первый трек назывался «Пробуждение». Голос Михаила звучал хрипло, но в нём чувствовалась такая сила, что Маринетт казалось: он поёт прямо в её голове. Слова врезались в сознание, как клеймо:

«Ты спишь, но мир не спит. Ты видишь сны, но мир уже жив. Открой глаза — увидишь свет. Открой уши — услышишь зов. Вход открыт. Пламя ждёт.»

Маринетт почувствовала, как её тело начинает вибрировать в такт музыке. Она не могла остановиться — не хотела останавливаться. Она взяла кисть и начала рисовать. Её рука двигалась сама собой, подчиняясь ритму, создавая линии, которых она никогда раньше не рисовала. Она рисовала огонь — живой, пульсирующий, который вырывался из бумаги и парил в воздухе.

Когда песня закончилась, Маринетт сняла наушники и глубоко вздохнула. Она чувствовала, как в ней пульсирует энергия, как каждая клетка тела наполнена светом. Она посмотрела на рисунок, который создала — и замерла. На бумаге был изображён портал. Мерцающий, светящийся, словно живой.

Она протянула руку и прикоснулась к нему. В тот же момент она почувствовала, как её пальцы проходят сквозь бумагу, ощущая странный холод, исходящий изнутри. Она отдернула руку, сердце колотилось где-то в горле.

— Что это? — прошептала она, глядя на рисунок.

Ответа не было. Но внутри неё зарождалось понимание. Её рисунки — это не просто изображения. Это ключи. Это двери. Это порталы в мир, который существовал параллельно её собственному.

Маринетт закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Она чувствовала, что должна продолжать. Должна слушать дальше. Она нажала на вторую песню.

«Огненный Круг» — так называлась она. Начало было медленным, почти гипнотическим. Гитара звучала мягко, словно убаюкивая. Но затем ритм изменился, стал быстрее, агрессивнее. Голос Михаила звучал как заклинание:

«Нарисуй огонь вокруг себя, и он защитит тебя. Создай круг из света, и он станет твоим щитом. Никто не пройдёт сквозь него. Ничто не проникнет внутрь.»

Маринетт взяла кисть, смешала красные и оранжевые краски и начала рисовать. Она создавала вокруг себя огненный круг — медленно, тщательно, вкладывая в каждую линию частицу себя. Она чувствовала, как энергия течёт через неё, как краски нагреваются на бумаге, как воздух вокруг неё становится теплее.

Когда она закончила, круг на бумаге засветился. Ярко, почти ослепительно. И в тот же момент она почувствовала, как невидимая стена окружает её, защищая от всего, что могло причинить ей вред. Она чувствовала себя в безопасности — впервые за долгое время.

Третий трек назывался «Голос Вне Времени». Он был медленным, почти грустным. Голос Михаила звучал тихо, но в нём чувствовалась такая боль, что Маринетт почувствовала, как слёзы подступают к глазам.

«Слушай не ушами, а сердцем. Смотри не глазами, а душой. Я здесь, рядом с тобой. Ты не одна.»

Маринетт закрыла глаза и попыталась услышать то, что было скрыто за словами. И тогда она услышала. Не голос, а ощущение. Тепло, разливающееся в груди. Зов, который проникал

в самую душу. Она чувствовала отца — его присутствие, его любовь, его боль. Он был рядом. Он всегда был рядом.

Четвёртый трек назывался «Танцующее Пламя». Его ритм был зажигательным, почти безумным. Маринетт чувствовала, как энергия наполняет её тело, как каждый мускул начинает двигаться в такт музыке. Она встала и начала танцевать, не контролируя свои движения. Её тело двигалось само по себе, подчиняясь ритму, создавая причудливые узоры в воздухе. Она чувствовала, как пламя внутри неё растёт, как оно становится частью её самой.

К пятому треку Маринетт уже не могла отрицать очевидное. Музыка отца была магией. Настоящей, живой магией, которая пробуждала в ней силу, о существовании которой она даже не подозревала. Она чувствовала, как её рисунки становятся реальными, как они влияют на мир вокруг неё. И она понимала: она — часть этой магии. Она — наследница этого дара.

Когда альбом закончился, Маринетт сидела в центре комнаты, окружённая светящимися рисунками. Она чувствовала себя опустошённой, но одновременно наполненной. Как будто она прошла через что-то важное. Как будто она стала другой — новой, более сильной, более настоящей.

Она открыла дневник и записала:

«Я слушала первый альбом отца — „Вход в Пламя“. Я чувствовала его музыку каждой клеткой своего тела. Мои рисунки оживали, когда я слушала его песни. Я создала портал. Я создала защитный круг. Я почувствовала его присутствие. Это реально. Это магия. Я — часть этого мира. Я — дочь панка.»

Она закрыла дневник и посмотрела на мольберт. На нём висел рисунок — портал, который она создала. Он всё ещё светился, пульсировал, и она знала, что это не просто изображение. Это ключ. Это дверь. Это начало её пути.

В этот момент она услышала голос — не в наушниках, а в голове. Тихий, далёкий, но отчётливый.

— Ты сделала первый шаг, — сказал он. — Но это только начало. Настоящий путь ждёт тебя там, где музыка встречается с реальностью.

Маринетт подняла голову и посмотрела на портрет отца, который висел на стене. Его глаза смотрели на неё с добротой и гордостью.

— Я найду тебя, папа, — прошептала она. — Я обещаю.

В тот же момент воздух вокруг неё задрожал. Рисунок на мольберте начал светиться ярче, и Маринетт почувствовала, как пространство вокруг неё начинает меняться. Она видела, как линии на бумаге оживают, как они превращаются в светящиеся нити, которые обвивают её тело, создавая кокон.

Она не сопротивлялась. Она доверилась этому ощущению, позволила ему вести её. И в следующий момент она оказалась в другом месте.

Она стояла на сцене. Той самой сцене, которую видела во сне. Вокруг неё бушевало пламя, но оно не обжигало — оно защищало. В руках у неё была не кисть, а гитара. Та самая гитара, что была у отца на фотографиях.

— Ты готова? — раздался голос. Он звучал отовсюду и ниоткуда одновременно.

Маринетт обернулась. Перед ней стоял он. Михаил Кремнёв. Её отец. Он был молод, почти так же молод, как на старых фотографиях. Его глаза горели огнём, и в них была любовь — огромная, бесконечная, всепоглощающая.

— Папа? — прошептала Маринетт, чувствуя, как слёзы текут по лицу.

— Я здесь, дочка, — ответил он. — Я всегда был здесь. Я ждал тебя. Я знал, что ты придёшь.

— Что это за место? — спросила она. — Где мы?

— Мы в варпе, — ответил он. — В мире, где музыка становится реальностью. Где мысли обретают форму. Где я живу.

— Почему ты ушёл? — спросила Маринетт. — Почему ты оставил нас?

Михаил вздохнул. В его глазах появилась боль.

— Потому что я должен был уйти, — ответил он. — Мой дар был слишком силён. Он был опасен для тех, кто рядом. Я не мог рисковать вами. Я оставил тебе песни, потому что они были безопасны. Они были ключом ко мне. Но ты должна была быть готова. Ты должна была пройти через все альбомы, через все двери. Только тогда ты сможешь найти меня по-настоящему.

— Что я должна сделать? — спросила Маринетт.

— Продолжай слушать, — ответил он. — Продолжай рисовать. Продолжай идти. Каждый альбом — это ключ. Каждая песня — это дверь. И когда ты пройдёшь через все, ты найдёшь меня.

Маринетт хотела спросить ещё, но образ отца начал таять, растворяться в огне.

— Я жду тебя, дочка, — услышала она последнее, и в следующий момент она снова оказалась в своей мастерской.

Она сидела на полу, окружённая рисунками. Солнце уже светило ярко, заливая комнату тёплым светом. Её сердце колотилось, а по щекам текли слёзы.

Она знала, что это был не просто сон. Это было реально. Она была в варпе. Она видела отца. И она знала, что должна продолжать.

Маринетт поднялась на ноги, подошла к мольберту и взяла кисть. Она чувствовала, как энергия внутри неё пульсирует, как она ждёт выхода. Она была готова. Готова к новым песням, новым рисункам, новым дверям.

В её жилах текла кровь панка, а в груди горело отцовское пламя.

Глава 4. Ритм как Заклинание

После той ночи Маринетт стала другой.

Она чувствовала это каждой клеткой своего тела. Что-то изменилось в ней, когда она впервые услышала голос отца, когда она впервые шагнула в варп, когда она впервые поняла, что её рисунки — это не просто искусство, а ключи к реальности. Мир вокруг неё больше не был прежним. Он стал ярче, глубже, насыщеннее. Она видела линии энергии, которые пронизывали всё вокруг — стены, предметы, людей. Она чувствовала вибрации, которые исходили от каждого звука, каждого движения.

Маринетт решила вести дневник. Она купила толстую тетрадь в кожаном переплёте и начала записывать всё, что с ней происходило. Каждый сон, каждое ощущение, каждое открытие. Она записывала слова песен, которые слышала, рисунки, которые создавала, символы, которые появлялись на бумаге. Она хотела понять закономерности, найти систему, разгадать код, который оставил ей отец.

Каждое утро она просыпалась и первым делом проверяла мольберт. Рисунки появлялись сами собой — иногда ночью, иногда утром, иногда в те моменты, когда она просто сидела и смотрела на пустой лист. Она перестала удивляться этому. Она приняла это как часть своей новой реальности.

Однажды утром она нашла на мольберте рисунок, который заставил её сердце биться быстрее. На нём был изображён странный символ — спираль, закрученная против часовой стрелки, окружённая огненными линиями. Она никогда не видела его раньше, но чувствовала, что он важен. Что он — ключ к чему-то большему.

Она взяла дневник и записала: «Спираль. Огонь. Движение против времени. Что это значит?»

Ответ пришёл не сразу. Она сидела в мастерской, слушая песни отца, и в какой-то момент поняла: символ на рисунке был связан с музыкой. С ритмом. Каждая песня имела свой ритм, свою пульсацию, и этот ритм был не просто музыкальным приёмом. Он был заклинанием.

Маринетт начала экспериментировать. Она слушала песню и пыталась уловить её ритм — не ушами, а всем телом. Она чувствовала, как вибрации проходят сквозь неё, как они резонируют с её внутренней энергией. Она брала кисть и рисовала в такт музыке — медленно, когда ритм был медленным, быстро, когда он ускорялся. Она создавала линии, которые следовали за пульсацией, которые отражали каждый удар, каждую ноту.

И она обнаружила удивительную вещь: её рисунки становились более живыми, когда она синхронизировала их с музыкой. Они светились ярче, двигались быстрее, реагировали на изменения в ритме. Это было похоже на танец — танец между её кистью и музыкой отца.

Она поняла, что каждый альбом имеет свой уникальный ритмический рисунок. Это было не просто музыкальное разнообразие. Это была структура, система. Каждый альбом был построен на определённой частоте, которая резонировала с определённым аспектом варпа. Первый альбом, «Вход в Пламя», имел ритм пробуждения. Он был медленным, гипнотиче-

ским, как дыхание спящего. Второй альбом, «Врата Огня», был более агрессивным, быстрым, пульсирующим — ритм битвы, ритм преодоления.

Маринетт записала это в дневнике: «Ритм — это язык варпа. Он не подчиняется словам. Он подчиняется сердцу. Когда я слушаю музыку отца, я чувствую, как моё сердце начинает биться в том же ритме. И тогда я могу создавать. Тогда я могу менять реальность.»

Она начала практиковаться каждый день. Она слушала песни и рисовала, создавая всё более сложные образы. Она научилась создавать защитные круги, которые пульсировали в такт музыке. Она научилась открывать порталы, которые мерцали в ритме её дыхания. Она научилась управлять огнём, который танцевал в такт её внутреннему ритму.

Однажды, когда она рисовала под песню «Танцующее Пламя», она почувствовала, как пространство вокруг неё начинает меняться. Линии на бумаге оживали, превращаясь в огненные нити, которые обвивали её тело. Она чувствовала, как они проникают в неё, как они становятся частью её самой. И в тот момент она поняла: она может не только рисовать реальность, но и становиться ею.

Она закрыла глаза и позволила ритму вести её. Она чувствовала, как её тело начинает двигаться в такт музыке, как оно превращается в часть танца, как оно становится огнём. Она танцевала, и её рисунки танцевали вместе с ней. Они создавали причудливые узоры в воздухе, они светились, они жили.

Когда песня закончилась, Маринетт открыла глаза. Она стояла в центре комнаты, окружённая светящимися линиями, которые медленно таяли в воздухе. Она чувствовала себя совершенно другой — более лёгкой, более свободной, более настоящей.

Она подошла к мольберту и посмотрела на рисунок, который создала. На нём была изображена она сама, стоящая в центре огненного круга, с кистью в руке, и её глаза горели тем же огнём, что и глаза отца на старых фотографиях.

Маринетт улыбнулась. Она поняла, что нашла ключ. Ритм, музыка, танец — вот что связывало её с отцом. Вот что позволяло ей проникать в варп. Вот что делало её сильной.

Она записала в дневнике: «Ритм — это заклинание. Каждый удар сердца — это слово. Каждый вдох — это нота. Если я научусь слушать свой внутренний ритм, я смогу управлять реальностью. Я смогу найти отца. Я смогу вернуть его домой.»

В тот вечер она снова погрузилась в медитацию. Она сидела в тишине, слушая своё сердце, чувствуя его пульсацию. Она представляла, как её дыхание синхронизируется с ритмом вселенной, как оно становится частью великого танца, который никогда не прекращается.

И в какой-то момент она почувствовала его — присутствие отца. Оно было слабым, едва уловимым, но она знала, что это он. Он был рядом. Он ждал её.

Маринетт открыла глаза и посмотрела на рисунок на мольберте. На нём появилась новая надпись: «Ты учишься слышать. Это хорошо. Но чтобы найти меня, тебе нужно научиться слушать по-настоящему. Слушать не ушами, а сердцем. Только тогда ты услышишь мой голос среди шума варпа.»

Маринетт прочитала эти слова несколько раз, впитывая каждое из них. Она знала, что это правда. Она должна была научиться слышать сердцем. Она должна была настроиться на частоту отца, на его ритм, на его вибрацию. Только тогда она сможет найти его.

Она закрыла глаза и сосредоточилась на дыхании. Она представляла, как её сердце начинает биться в ритме музыки отца. Она чувствовала, как каждый удар отзывается внутри неё, как он наполняет её силой. Она думала об отце, о его лице, о его голосе. Она чувствовала его присутствие, его любовь, его боль.

И вдруг она услышала его — тихий, далёкий, но отчётливый голос:

— Я здесь, дочка. Я всегда здесь. Ты слышишь меня?

Маринетт открыла глаза, и по щекам её текли слёзы. Она услышала его. Она действительно услышала его.

— Да, папа, — прошептала она. — Я слышу тебя.

В тот момент она поняла: она готова. Готова к следующему шагу. Готова к следующему альбому. Готова к следующей двери.

Она несла на себе проклятие и дар панк-рока, храня его огонь внутри

Глава 5. Первая Встреча с Эмиссаром

Маринетт не спала уже вторые сутки.

Она сидела в своей мастерской, окружённая десятками рисунков, развешанных по стенам, разложенных на полу, покрывающих каждый свободный сантиметр пространства. Её глаза болели от напряжения, руки дрожали от усталости, но она не могла остановиться. Она чувствовала, что близка к чему-то важному. Что-то, что было скрыто от неё, ждало своего часа.

Третий альбом «Огненного Вихря» назывался «Грань Реальности». Он был последним, записанным за год до исчезновения группы. Маринетт слушала его снова и снова, пытаясь уловить каждую деталь, каждую ноту, каждое слово. И чем дольше она слушала, тем сильнее чувствовала, что этот альбом был другим. Более сложным, более глубоким, более опасным.

В одной из песен она услышала странный звук — едва уловимый, почти незаметный, но отчётливый. Как будто кто-то шептал на заднем плане, скрывая слова за шумом гитар и ударных. Маринетт перемотала песню и прослушала этот фрагмент снова. И снова. И снова.

И тогда она услышала. Среди хаоса звуков, среди шума и вибраций, пробивался голос — тихий, но чёткий. Он произносил слова, которые, казалось, были обращены прямо к ней:

«Когда тень станет светом, а свет — тенью, ты найдёшь того, кто укажет путь. Он придёт из снов, и ты узнаешь его по огню в глазах.»

Маринетт замерла, чувствуя, как холодок пробегает по спине. Она переслушала этот фрагмент десятки раз, пока слова не врезались в её память. «Тот, кто укажет путь. Он придёт из снов.» Что это значило? Кто этот «тот»? И почему она чувствовала, что эти слова были адресованы именно ей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.